

THE Adventure

А Зорин здесь ТИХИЙ,

ИЛИ

МЯСО

ПО-АРГЕНТИНСКИ

«Палатку сбрасываем чуть левее, когда пересечем хребет!
Кольцо своего парашюта дергай сразу — может не хватить высоты!»

Консерв, колы и колбасы мы набрали на полгода. Вдруг погода испортится

В предыдущих номерах я уже заикался о том, что в ближайших планах мы нарисовали себе Эверест. После ряда консультаций с теми, кто был на вершине, и просмотра разных «попсовых» видеоматериалов на канале «Дискавери» приходишь к выводу, что «Топ оф зе Ворлд» не так страшен, как сам факт того, что тебе туда обязательно надо. Стимул огромный. Во-первых, после этого (если крупно повезет) можно будет забыть о горах (как о достижениях) навсегда. А во-вторых, посредством того, что было «во-первых», сэкономить кучу личного времени и бабла. Так что баланс коммерческого и личного интереса присутствует как нигде. А этого достаточно для организации казалось бы невозможного.

Но чтобы потом забыть о горах навсегда, нужно хотя бы немного о них вспомнить сегодня. И я снова, как перед Килиманджарой, начал скакать по лестницам многоэтажек в горных ботинках, наводя ужас на соседей, бегать вокруг Русановки и неожиданно часто появляться в бассейне с оптимистичным названием «Юность» и во всех киевских магазинах, торгующих горной снарядой. На шопинге я мучительно старался вспомнить, что же из четырехстраничного списка абсолютно ненужных в повседневной жизни вещей я еще не приобрел.

Размявшись в августе на Эльбрусе, мы начали задумываться о том, что же из доступных для нас вершин будет для нас следующей целью. Ближайшим поездочным периодом были две не-

дели нового года. А соответственно, весь Кавказ, Памир и Гималаи отпадали. Холодно у них там на Севере. Надо было поискать шо-нибудь в Южном полушарии. Само собой, в атласе под руку попала гора Аконкагуа. Верхняя точка не только Южной Америки, а и всего того, что

лежит ниже экватора. Вроде бы классический маршрут, как и на Эвересте доступен для чайников, да и начало января там как раз самый сезон — разгар лета.

Единственной досадой было то, что постоянный партнер (в хорошем смысле) в путешествиях Цыгель

плавно съехал с темы, когда узнал высоту горы (7000 метров без сорока), которую я от него тщательно скрывал. Его ботинки, согласно инструкции, были рассчитаны только до высоты 6500, а более накрутых в Киеве тогда было купить невозможно. Я остался наедине с горным инструктором. Он же Палыч, он же Рембо, он же Полковник, он же Универсальный солдат, он же Стрелок. С недавних пор присутствие Стрелка в горных походах является синонимом гарантии посещения выбранной вершины. Мы договорились

быстро. Я покупаю билеты, он несет мой рюкзак и меня в случае крайней необходимости. А крайняя необходимость наступает всегда выше пяти тысяч метров. Для меня — самая выгодная сделка года, поскольку присутствие за моей спиной такого слова как «рюкзак» — гарантия того, что на вершину я не попаду никогда.

28 декабря (как и 26 апреля в этом году) начинаются пару дней освобождения Украины, которые сопровождаются пробками на бориспольской трассе и торчащими из здания аэропорта оче-

«Так, и тут надули. На моих — 2852 метра!»

Перед стартом маршрута все должны пройти тест на равновесие

редями на регистрацию рейсов. С очередями мы расправились быстро, толкая перед собой огромный тюк со снарягой. С регистрацией и перевесом чуть медленней: пришлось найти в очереди еще троих добровольцев и на них расписать свой перевес. Долбаный перелет был

с тремя пересадками (билеты как всегда берутся в последний момент). Но надо отдать должное «Испанским авиалиниям» — имея всего лишь сорокаминутную стыковку в Сантьяго, все наши пасочки благополучно доехали до славного аргентинского городка Мендоза.

Городок этот знаком нам в основном по этикеткам на винных бутылках. До поездки я вообще думал, что Мендоза — это название сорта винограда. После поездки мне рассказали, что так оно и есть. Такси в Аргентине маленькие — из аэропорта пришлось брать две машины.

Но при «наших» ценах на бензин транспорт в стране недорогой. Аэропорт—центр всего 5 баксов. Гостиница в нете была выбрана, конечно же, одноименная с горой. Стояло жаркое январское аргентинское лето, и то ли от температуры плюс тридцать, то ли от увесистых тумачков Стрелка я окончательно вспомнил все то, что забыл купить в Киеве. По правде говоря, никакого багажа с собой кроме притоптанных ботинок в любые горы можно не тащить. В любом городишке вокруг горы можно приобрести все необходимое, вплоть до осликов с ограниченным пробегом и носильщиков с неограниченным ресурсом. После покупки пары десятков запасных носков и перчаток мы потратили пару часов в супермаркете на подбор рациона питания и кока-колы в подходящей таре в количестве тридцати бутылок. Далее последовала непродолжительная, но безрезультативная торговля за пропуск на вершину горы с местным министерством туризма под предлогом «юкрайн туристо — облик аморале».

2700-3300. Точка отсчета.

Перед началом маршрута стоят огромные весы. Но на них загоняют не туристов, а весь багаж. Можно договориться с осликами. За еще сто долларов они тянут 60 кг полезных вам вещей прямо до базового лагеря на 4300 метров. Проблемка в том, что, в отличие от авиаперевозчиков, с осликами в случае перегруза договориться невозможно. Сразу у старта маршрута гордо стоял направленный топливом вертолет. И пока Стрелок перегружал вещи и делал из двух наших рюкзаков один свой, я пошел пробовать стоймость халявы. А вдруг за «сам мани» тут по быстрячку можно добраться хотя бы до следующего лагеря.

Хотя с халявой и не вышло, первый переход (с 2700 на 3300) в лагерь Конфлюенция (какой урод его так назвал?) я прошагал бодрячком и отстал от Стрелка всего на полтора часа. Еще через пару часов я понял, что название лагеря таки правильное. Легкая степень конфлюенции присутствовала где-то между же-

лудком и мозгом, а таблеток от симптома с таким названием я в своей двухкилограммовой аптечке не нашел. Грела только мысль о кулечках среднего размера с индивидуальным номером, которые выдают каждому на старте маршрута вместе с листочком, похожим на институтский «бегунок», в котором расписываются рейнджеры каждого лагеря. В кулечек надо собирать свой мусор и на обратном пути сдавать его. Так что если моя конфлюенция разойдется не на шутку, мне будет куда ее спрятать.

Завтра предстоял двадцатикилометровый переход в базовый лагерь «Пласа дель Мулас», на 4300. Я грустно смотрел в карту, отмеряя расстояние оттопыренными мизинцем и указательным пальцем, и понимал, что сдохну примерно в районе безымянного пальца, где меня и закопают. Единственным шансом выжить завтра было соблазнить одного из мулов (результат секса лошади и ослика — тупиковая ветка эволюции,

Вдруг мне повезет и в сумерках Стрелок перепутает меня с рюкзаком

неспособная размножаться самостоятельно, но жутко проходимая и выносливая). Эти животные тянут в базовый разную полезную снарягу, а на обратном пути эвакуируют (гусары, молчать!) разнообразную конфлюенцию, повывлазившую из таких туристов, как я.

Абсолютно не рассчитывая на взаимность, я спросил у гаучио Белдыева: «А... можно это... ну завтра... того... на муле, в общем??» В ответ я ожидал услышать что-то типа «притесь сами, понаехало тут умников, не дам свою ко-

былку мучить...» А услышал: «Конечно, сер! Сто долларов!» — «Сто долларов? ЦЕЛЫЙ мул? Да вы шо!!!» — от счастья у меня сперло горло. Я буду жить и еще один день! Как порядочный я признался Стрелку и предложил сделать то же самое. Стелок, ярый противник канатных дорог, ратраков на Эльбрусе и прочих сублимаций, только презрительно хмыкнул, доложил в свой-наш пятидесятикилограммовый рюкзак еще десять кило быстопортящейся чилийской ковбасы и лег спать.

Чтобы туристы не заблудились на обратной дороге, в «Муласах» висят указатели во все страны

Бензина в вертушке до вершины никогда не хватает

Каждый день Стрелок плотно обедал, но нож с

3300-4300. Ослик с ограниченным пробегом.

В семь часов я изобразил бодрый подъем и поплелся сторожить своего мула, чтобы никто другой меня не опередил. Мулов как раз выючили. В хорошем смысле. Глагол «нагружать» здесь не используется. С тех пор идиома «выючить мулов» стала синонимом какого-нибудь абсолютно бесполезного в поездке занятия. Типа все готовят обед в горах, а ты говоришь: «Ну я пойду мулов повьючу!» и уходишь, игнорируя общественно-бесполезный труд.

В восемь утра я в состоянии абсолютного счастья сидел в седле удивленно смотревшего на меня через плечо мула и наблюдал за верхушкой нашего рюкзака, возвышавшегося в метре от головы Стрелка и медленно удаляющегося за сопку. А мул был удивлен очертаниями своего сегодняшнего багажа, который к тому же еще и разговаривает.

Сначала Белдыев тянул моего мула веревкой, затем Удивленный (так я назвал животное) перешел на шаг. Мы (я и мул) медленно перлись в гору в толпе таких же, как он, мулов и не таких же, как я, Белдыевых. Когда Удивленный перешел на рысь, я удивился. Но когда это жи-

вотное побежало в гору бодрым галопом, я перестал называть его «Удивленным», поскольку теперь он, хихикая с себе подобными, за глаза называл меня «Очень Сильно Удивленным Багажом». Некоторые навыки верховой езды позволили мне удерживаться в седле, и, стиснув зубы, я говорил себе: «Уж лучше пусть пару часов болит жопа, чем всю неделю голова и ноги!» Всмотриваясь в горизонт, я все ждал появления силуэта Стрелка впереди. А не дождавшись, думал: «Во темп взял, гад, — не утнаться».

В 11-00 я первым прибыл в базовый, поставил палатку, заказал обед на двоих. В лагере стала ясной абсолютная ненужность потраченного времени в супермаркете, поскольку обед — первое, второе и компот в виде красного вина — стоил здесь всего 20 долларов. Притом что меню можно разнообразить, временами меня кухонные палатки разных сервисных компаний. Затем повтыкал в направлении вершины, которая была почти видна, и удивился, что Стрелка до сих пор нет.

Муласы, как сокращенно называют базовый лагерь,

Аргентинские йоги забыли в горах колючий коврик

представляют собой сотню палаток и сотни три людей, довольно веселых в ожидании Нового года. К шести вечера подошли, на мой взгляд, уже все, кто вышел утром из Конфлюенции. Знакомого двухметрового рюкзака среди них все не было. Я (на всякий несчастный случай) начал потихоньку пробивать, сколько здесь стоит пожить подольше и кто меня донесет дальше?! К восьми вечера, проходя на соседнюю сопку

с биноклем в привычных уже за сегодня поисках, я обо что-то споткнулся. Это был знакомый его-мой рюкзак. А Стрелок одной рукой пил воду из отобранной у кого-то бутылки, а другой очень агрессивно отгонял от себя хозяина воды. «Не рассчитал» — все шло у него услышал перед отбоем. Имел в виду он всего один бутерброд и всего пол-литра воды, захваченные на весь период перехода.

Стрелок не ходил в детский сад, поэтому в детстве у него не было фотографии с елочкой

5900-6500. На полном приводе.

Перед крайним выходом из Муласов к вершине Стрелок в свете налобного фонаря внимательно смотрел на карту местности. Затем на меня. На карту. На меня. На карту. На меня. На меня. На карту. На кусок плохо прожаренной говядины, который я грыз из последних сил. На меня. На карту. «Нее. За раз с 5900 на 7000 не пойдем (он имел в виду — не зайдешь)!» — философски изрек Стрелок. «Ням-ням-ням», — утверди-

тельно закачал головой я. «Придется ночевать на 6500», — почему-то грустно выдохнул Рембо. «Ам-ам-ам», — утвердительно тавтологически закачал головой я опять. Спорить со Стрелком на уровне выше 2000 метров бесполезно. Минимум — убьет, максимум — покалечит.

Через два дня я полз на «полном приводе» из лагеря Берлин (5900) к микроскопической рыжей точке нашей палатки, мужественно

4300-5900. Новый год и подарочные кульки.

Следующий вечер был новогодним. Русских или соотечественников мы так и не нашли. Новый год обещал быть самым тихим из всех мной отмеченных. Первый раз мы отметили его в 7 вечера (разница с Киевом — 5 часов). Самым приятным воспоминанием от празднования было то, что в каждый час до и после двенадцати в Муласах гуляла очередная компания. Жители базового представляли собой довольно широкий международный срез общества. В 12 по-местному, как и положено, мы открыли микробутылку припасенного местного шампанского и облили жидким серпантинном отечественную пластиковую елку, любезно пропущенную в багаж бориспольской таможней. Возле этого натюрморта и нашей палатки впоследствии фотографировались все советские обитатели лагеря.

Следующим утром от рейнджеров нас ждал очередной подарок. Пара кульков другого цвета, пронумерованные и зарегистрированные в журнале за нами. В походной форме нам бы-

ло разъяснено, что везде выше базового лагеря собирать собственные экскременты нужно исключительно в собственный кулек. А при возвращении в Муласы, предъявив пакет в готовом виде для контроля, сбрасывать в контейнер, который потом эвакуируется (гусары — молчать!) осликами вниз. Видавший виды, но никогда не слышавший о таком, Стрелок изобразил кислую мину, которая говорила о том, что ни гадить в пакет, ни таскать ЕГО за собой он не собирается. Из чего следовало, что разбираться с Главном предстоит исключительно мне.

Следующей недели лучше бы не было. Муласы — лагерь Канада 4900 — Муласы — лагерь Не Помню Как Называется 5500 — Муласы — Канада — (вспомнил!) Кондорес — Муласы — Кондорес — лагерь Берлин 5900 — Муласы. Иногда удавалось поспать. Реже поесть. В двух километрах от Муласов, на высоте 4500, была обнаружена секретная гостиница с рестораном! На столе была даже (!) стеклянная посуда. И (гусары — внимание!) официантки!

Вертолет не отвечает. Сегодня будем без ужина

Ты отпечатался на палатке! Вечером будешь отстирывать

«Стрелок! Мы перепутали рюкзаки! Я взял твой!»

устанавливаемой на чистом снеге Стрелком. На шести с половиной тысячах никто не ночует. Во-первых, негде. А во-вторых, для этой ночевки нужна более продолжительная акклиматизация. И поставленная Стрелком среди крутого снежного подъема наша палатка была достижением, достойным Гиннеса.

Каждые 15 минут мой «полный привод» выходил из строя, и требовалось полчаса тяжелой дремоты для восстановления тяговой силы. Когда удавалось стать только на «задний мост», Стрелок замечал меня и махал руками, показывая правильное направление моего движения. В эти минуты я понимал тяжелый вздох Стрелка позавчера по поводу предстоящей ночевки. На этой высоте понимаешь, что все, что на тебе должно быть, — из пуха. Сколько бы градусов ни было написано на твоём супернавёрнутом синтапоно-

вом спальнике, ты все равно в нем быстро замерзнешь.

Еще через шесть часов я проснулся в палатке на 6500. Не проснулся, а вскочил от ужаса, что проспал вершину. Была полночь, но узнать об этом я не мог. Часы были на левой руке, а обеих рук не было у меня. Они спали как-то отдельно, и их не было

вообще. Я их не чувствовал. Начал пинать Стрелка головой, оря в ухо, шо руки отнялись, надо идти на вершину в ночь, иначе отнимутся и ноги, и шо тогда?? «Да поспиинии...» — только и пробухтел, переворачиваясь на бок, Стрелок. Кое-как размяв руки, я дотянулся до часов и начал опять засыпать.

Через три минуты сердце и кровь замедлились. Эритроциты перестали добегать до конечностей, и организм вновь решил, что первое, чем он может пожертвовать — это руки. Ноги ему понадобятся, чтобы вернуться с горы, а вот руки уже не нужны. Так я и спал, каждые пять минут растирая ладошки.

Почти пять звезд на почти пяти тысячах

300 м до вершины.

Проснулись в 6 утра от убаюкивающе-монотонного брындания кошек вокруг. Наша палатка стояла прямо на тропе, по которой шел десяток человек, вышедших из «Берлина» часов пять назад. Мы поспешили присоединиться, поскольку погода стояла прекрасная, но ветер заметно усиливался. Пару сотен метров подъема идем по траверсу, напоминающему Эльбрусский перед вершиной. Он так же открыт всем ветрам. И при достижении ветром 20 метров в секунду начинаешь понимать, что и трусы с носками и перчатками тоже должны быть из пуха.

За 300 метров до вершины есть чудная площадка — Конолетта, где все принимают последний глоток чая, последнюю шоколадку, последнюю витаминку, взятую на вершину. «Ой-ой, у меня заложило ухо. Надо спускаться.» «Ой-ой, что-то кольнуло в бок. Я разворачиваюсь!» Европейские ушлепы слишком правильны и могут пожертвовать парой месяцев подготовок и неделями жизни на горе, развернувшись в месте, от которого до вершины всего три часа. Я чувствовал себя ужасно, но от перехода на «полный привод» все еще удерживался. Разворачиваться — не наш метод.

Всем дошедшим до вершины сбрасываю гуманитарную помощь. Стрелку достались часы от Gissì

Спасение рядового тела.

На тропе передо мной шаталось и сдыхало какое-то тело. Оно было без рюкзака, без компании и без перчаток. Падало на грудь каждому и просило воды. Русских на горе кроме нас не было, и у тела не было никаких шансов. Оно бухтело себе под нос: «Я должен прийти, я должен прийти, я дооолжеен доооойти». ...За пять минут я скормил ему пару грамм витамина С, пол-литра колы (самые быстрые углеводы) и еще какую-то китайскую

виагру. Еще через пять минут тело начало оживать. Тело оказалось бразильцем. На вопрос, где его товарищи, бразилец растерянно огляделся. Я ободряюще пошлепал его по плечу и побрел к Стрелку, ожидающему меня в 100 метрах выше.

Тело отставало, стараясь держаться в моем фарватере. Я отклонился от тропы влево — и тело за мной ушло налево. Также повторялись и маневры вправо. Я сообразил, что только у меня на го-

ре желтый комбез, и это единственное пятно, еще различимое бразильцем. Навстречу с вершины уже спускались рейнджеры, забирающие с собой доходяг типа нас. За пару минут до встречи с ними я скормил телу остатки припасов и даже потренировал его отвечать на вопрос рейнджеров «Ар ю окей?» бодренько «Ес, айм вери вел!» На меня рейнджеры не обратили внимания, поскольку на вопрос о самочувствии я буркнул им

пару коротких русских слов. Они, видимо, были в курсе, что цепляться к русским не стоит. А вот к бразильцу они подошли с большим подозрением, уже готовясь пристегнуть его к себе веревкой с карабином. Но как только проинструктированный мной бразилец увидел рейнджеровский силек, плечи его распрямились, подбородок поднялся, и из последних сил (ей тоже было сложно передвигаться) на лицо вылезла бразильская улыбка. Пронесло, метров пять бразилец изображал самую бодрость, поднимая руки и ноги при ходьбе на 10 сантиметров выше обычного.

Еще через 15 минут нам встретился идущий с вершины друг бразильца. Хух, подумал я, наконец, сдыхался его. Дружбан уж точно его затащит. Но тот повесил на бразильское тело фото-

мельницу, дал ему одну свою перчатку, сказал что-то ободрительное, после чего бразилец совсем сник. А приятель бодро убежал вниз.

Последние метров пятьдесят вверх я чередовал пинание бразильца палками в спину, затаскивание его за рукава комбеза и крики о том, что до саммита осталось джаст ту минетс. Поверил в себя он только тогда, когда увидел силуэт замерзшего Стрелка, сидящего на вершине в ожидании меня уже больше часа.

На вершине бразилец заплакал, достал шелковый платочек-тряпочку с вышитым именем своей девушки и нарисованным сердцем. Я сфотографировал его пару раз мьльницей и выслушал сентиментальную речь о том, что он здесь только благодаря мне. Мы поднялись крайними в тот день. Но по-

Для связи с родной пришлось учить азбуку Морзе

За полкилометра до вершины Стрелок пошутил, сказав: «Уже пришли!» Я тоже пошутил и изобразил радость

THE Adventure

ступком для меня стала не вершина, а помощь бразильцу. Именно такие, как он, а не хватающиеся за уши и бока ушлепы достойны уважения. На вершине ощущался полный баланс. Стрелок завел меня, я завел бразильца, бразилец завел отек легких.

На спуске я привязал бразильца к запоздавшему инструктору, выводившему свою группу, сказав, что он готов заплатить за помощь. На траверсе вниз ветер разгулялся так, что порывы тебя сбивали с ног. Налетели тучи и пошел снег. С Конолетты бразильца несли уже четверо, но признаки жизни он подавал активно и не вызывал беспокойства окружающих. На следующий день стало понятно, что если бы мы задержались с подъемом на полдня, то сидели бы на горе в ожидании погоды еще неделю.

По возвращении в Муласы мы обнаружили пару русских групп и остаток дня провели в приятных разговорах по обмену опытом. На предложение спуститься вниз на осликах Стрелок отреагировал менее агрессивно, и я заказал двух животных.

На последнем ужине в Муласах я вспомнил, что пакеты для гавна все еще пусты. В этот момент очень удачно нам принесли фасованный суп. Ни цветом, ни консистенцией суп не отличался от нужного нам продукта жизнедеятельности. Так что мы заказали два лишних супа и на выходе из лагеря через пропускной пункт рейнджеров наша со Стрелком совесть была чиста.

Виталий Зорин
Клуб «Лопухи в поисках адреналина»

Чтобы ослик меня не узнал на обратной дороге, я тщательно замаскировался

Фото: Виталий Зорин, Олег Мазур

Куртки погибших туристов принято одевать на морды мулов. Так душа туриста попадает в ослика и продолжает мучиться на горе

